

*А. П. Семенюк, К. А. Семенюк**

ИДЕЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ В. В. РОЗАНОВА

Статья посвящена реконструкции учения о потенциальности В. В. Розанова. Выявляются его источники, каковыми были метафизические построения Аристотеля и Лейбница. Показывается, как категория потенциального/возможного раскрывается на разных этапах розановского творчества. В раннем трактате, посвященном категории понимания, последнее описывается как процесс актуализации потенциального бессознательного разума. Далее показывается, что жанр «Уединенного» и «Опавших листьев» позволил Розанову наиболее оптимально выразить сущность этих своих ранних теорий. Объясняется, почему и каким образом проблематика возможного связана с мечтательностью у Розанова. Причина тому — избегание окончательной актуализации, что обуславливает сходство философа с подпольным героем Достоевского и Обломовым Гончарова. Прослеживается, какое развитие получает концепция потенциальности в розановских работах, посвященных проблемам пола. Пол здесь рассматривается как бесконечное потенцирование. В этом контексте проводится сравнение с представлением З. Фрейда о бессознательном. В заключение раскрывается системообразующее значение поппиалистской метафизики для всей розановской философии.

Ключевые слова: В. В. Розанов, потенциальность, возможность, русская философия, метафизика, мечтательность, бессознательное, проблема пола.

* Семенюк Антон Павлович — д-р филос. наук, apsemenyuk76@gmail.com, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории, Сибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Anton P. Semeniuk — DSc, apsemenyuk76@gmail.com, associate professor of the Division of philosophy with courses of cultural studies, bioethics and national history, Siberian State Medical University.

Семенюк Ксения Анатольевна — канд. филос. наук, marcelp@yandex.ru, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории, Сибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Xenia A. Semeniuk — PhD, marcelp@yandex.ru, associate professor of the Division of philosophy with courses of cultural studies, bioethics and national history, Siberian State Medical University.

The article is devoted to the reconstruction of V. V. Rozanov's doctrine of potentiality. Its sources are revealed, which were the metaphysical constructions of Aristotle and Leibniz. It is shown as a category of potential/possible revealed at different stages of Rozanov's work. In an early treatise on the category of understanding, the latter is described as a process of actualization of the potential unconscious mind. It is further shown that the genre of "Solitary" and "Fallen Leaves" allowed Rozanov to express the essence of these early theories in the most optimal way. It is explained why and how the problem of the possible is connected with Rozanov's dreaminess. The reason for this is the avoidance of final actualization, which determines the similarity of the philosopher with the Underground Hero of F. M. Dostoevsky and I. A. Goncharov's Oblomov. It is traced how the concept of potentiality develops in Rozanov's works devoted to the problems of sex. Sex is seen here as infinite potentiation. In this context, a comparison is made with S. Freud's idea of the unconscious mind. In conclusion, the system-forming significance of possibilist metaphysics for the whole of Rozanov's philosophy is revealed.

Keywords: V. V. Rozanov, potentiality, possibility, Russian philosophy, metaphysics, dreaminess, unconscious, the problem of gender.

Интерес философа к категории возможного*. Именно реконструкции данной категории, философская разработка которой рассыпана по целому ряду работ розановского наследия, и посвящена данная статья.

Интерес к Розанову на современном этапе развития историко-философской мысли вызван следующим. Розанов до определенной степени несет в себе черты человека эпохи постмодерна. В его мысли парадоксальным образом сочетаются качества человека Нового времени, думающего субъекта, с активно декларируемым традиционализмом и архаизмом дискурса, выступающими у него скорее в качестве компенсации, реакции на модерн. В этой связи некоторые характерные особенности модерна у Розанова приобретают уже гипермодерновый характер, что и роднит его с постмодерном. Предлагаемая нами реконструкция ставит себе целью экспликацию розановского POSSИБИЛИЗМА в следующих аспектах: 1) как возможную точку сборки розановской философии; 2) как концепцию, выходящую за рамки мысли XIX в. и имплицитно содержащую в себе элементы грядущего постмодернизма.

Для этого необходимо раскрыть: 1) этапы становления розановского POSSИБИЛИЗМА; 2) его понимание мечтательности как возможности всякой рефлексии; 3) POSSИБИЛИСТСКУЮ метафизику теории пола.

Философские истоки и развитие розановского POSSИБИЛИЗМА

Необходимо отметить, что в философии постмодернизма возможное рассматривается как модальность, не сводимая ни к чему существующему. «Возможное не есть сущее, не есть то, что есть или чего нет. Оно — особый модус бытия, который не может быть вообще переведен на язык реального или

* Термины «возможность» и «потенциальность» могут иметь разные оттенки смысла в тех случаях, когда речь идет о возможном как вероятном. Однако Розанов этому нюансу внимания не придавал, понимая под «возможностью» в философском контексте именно «потенциальность».

идеального существования», — пишет Михаил Эпштейн [23, с. 33]. Наибольшее влияние на современный POSSИБИЛИЗМ оказали идеи Лейбница, который стремился доказать, что только Бог обладает истинной свободой в силу того, что Воля Бога не ограничена одной действительностью. Ограниченность — характеристика человеческой природы. Соответственно, человек, избегающий состояний полной реализации, завершенности, стремится к божественному совершенству, исчезающему в актуализации, стремится к полной свободе. За розановской рефлексией также вырастает тень Лейбница, которого он усвоил, безусловно, опосредованно (так как не знал немецкого языка) под влиянием круга интересов Н. Н. Страхова, читая «Историю Новой философии» Куно Фишера и, возможно, уже существующие на русском языке переводы [7].

Ещё один источник розановских представлений о возможном — «Метафизика» Аристотеля, который, в противоположность Платону, отвергает принцип полноты, предполагая за потенциальностью возможность не претворяться ни во что актуальное, то есть существовать в качестве чистой потенции. «То, что обладает способностью, может и не проявлять ее. <...> Сущее в возможности может и не быть [в действительности]» [1, с. 307]; «...Нет необходимости, чтобы все сущее в возможности существовало...» [1, с. 118]*. Однако при этом Аристотель утверждает первичность актуальности по отношению к потенциальности. «...Всегда есть нечто первое, что приводит в движение, а это движущее уже существует в действительности» [1, с. 245]. В то время как для Лейбница возможность первична и сущностна по отношению к существованию. «Сущность есть на самом деле не что иное, как возможность того, что полагают» [4, с. 295]. Сущность предмета — это не то, что объединяет его с похожими предметами, а совокупность тех возможностей, которые ему предшествовали, и тех, что из него вытекают. Истинная философия делает субъекта свободным в силу того, что рассматривает любой мыслимый предмет не как что-то уже состоявшееся или как возможность воспроизведения, состоявшегося в иных условиях, а как его возможность стать иным. Не в этом ли заключается имплицитный мотив философских исканий Розанова?

Д. С. Мережковский сравнивал Розанова с медузой, «которая в воде — волшебный цветок, а на берегу — слизь» [5, с. 413]. Это сравнение, носящее откровенно уничижительный характер, помогает нам понять нечто сущностное в личности философа. Возможное для Розанова является изначальной и подлинной формой существования. Точнее говоря, реальность здешнего мира как таковая является только одним из возможных проявлений могущественной потенциальности. «Потенции — это незримые, полу-существующие, четверть-существующие, со-существующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир “как он есть” — лишь частица и минута “потенциального мира”, который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки», —

* Здесь приводится советский перевод. В переводе же самого Розанова и его соавтора Первова, самом первом, но неоконченном переводе «Метафизики» в русской истории, это звучит так: «...в возможности и то есть, чего еще нет [в действительности]. Значит, осуществляется несущее; но ничто из того, что неспособно к существованию, не происходит» [2, с. 117].

пишет он [13, с. 7–8]. Следовательно, возможное не следует расценивать как только имажинативный эффект наличного мира. Более того, из розановских размышлений можно заключить, что возможное не сводится ни к физической, ни к идеальной, ни к какой-либо иной реальности.

«Какой термин “потенция” (?) Что это такое? Реальность? Но тогда и сказано было бы “реальностей”. Но может быть, духовные потенции человека вовсе не реальность, а фантазии, вымысел, “сочинения”, подобное, например, “Проблемам идеализма”. И этого нельзя сказать, ибо “Проблемы идеализма” могли явиться и не явиться» [10, с. 21].

В своей ранней книге «О понимании» Розанов занимает позицию, близкую к тому, что Николас Решер классифицирует как концептуальный реализм в объяснении происхождения возможного [24, с. 218]. В мироздании русский мыслитель усматривает процесс нарастания осознанности и разумности, в котором взаимодействуют силы причинности и целесообразности. Обе эти последние суть разные проявления потенциальности. Соответственно мы получаем два типа потенциальности: неопределенная потенция вещества земли и определенная потенция семени. Первая порождает природу неорганическую, вторая — органическую. Определенная потенция — более высшего порядка, поскольку имеет формальный, а не вещественный характер. Она придает инертной и костной материи целесообразность и плановость. Таким образом в этом нарастании осмысленности мы узнаем возрастание степеней возможности, процесс овозможнения бытия. Если неорганические формы жизни пребывают в актуальном, тождественны себе, то более сложные — органические — формы все более пребывают в сфере возможного, и более всего — человек как самая изощренная форма живой природы. Потенциальный бессознательный разум (или понимание) в наибольшей степени раскрывается, достигая высшей степени осознанности в человеке. Стало быть, для человека уже естественно будет не совпадать с тем, что он есть, а неестественным — быть законченной обналиченной вещью. Человек — самое овозможненное, а значит, самое свободное существо в мироздании за все время его существования.

Но вопрос заключается в том, что, если любая актуализация уничтожает возможное, то каков способ существования возможности? Чтение розановских текстов позднего периода («Уединенное», «Опавшие листья» и др.) более показательнее в этом отношении, нежели период ранних философских опытов. Как раз жанр афористических дневников, мимолетных записей, близких к философской эссеистике, позволяет Розанову передать эффект перманентного откладывания реализации, то есть пребывания в возможности, как того, что может быть, но так и не начинает быть.

Поздний Розанов окончательно отказывается от претензий на классическую философию, предпочитая силлогизмам хроники жизни, призванные передавать мимолетные мысли и душевные состояния. «Опавшие листья» и подобные же тексты представляют собой собрание фрагментов переживаний, осмысляемых на месте, когда автор погружен в самонаблюдение и стремится передать пережитое и понятое, пока это ощущение длится, как бы показать сам процесс думания в его незавершенности.

«Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, почувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что “сошли” прямо с души, без переработки, без цели, без преднамерения, — без всего постороннего... Просто, — “душа живет” т. е. “жила”, “дохнула”. С давнего времени мне эти нечаянные восклицания почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать» [21, с. 22].

В такого рода литературе нельзя принимать форму за некую внешнюю оболочку, за которую нужно проникнуть к смыслу как к чему-то неподвижному. «Все воображают, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка? И ищут её «свойства («свойства предмета»)). Но почему она не имеет только строй» [21, с. 22]. Розанов — изобретатель жанра в литературе, который невозможно воспроизвести, в котором нельзя продолжать писать. Этот жанр обретается как чистая форма, чистый строй, где обнажаются и как бы заявляют о своём присутствии радость, любовь, страх, замешательство и т. д. как таковые.

Здесь, иначе говоря, представлен поток разрозненных сиюминутных раздумий, переживаний, впечатлений, из которых нельзя образовать концептуальное единство, сформировать мировоззренческую или идейную систему. И главное: за ними не просматривается некая четкая личностная идентичность. Кажется даже, что автор намеренно избегает какой бы то ни было социокультурной объективации.

«Да просто я не имею формы (*causa formalis* Аристотеля). Какой-то “комок” или “мочалка”. Но это оттого, что я весь — дух, и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого. “И отлично” ... Я “наименее рожденный человек”, как бы “еще лежу (комком) в утробе матери”» [21, с. 34] (курсив наш. — А. С., К. С.).

Все розановские наблюдения и убеждения сиюминутны и не претендуют на концептуальную целостность или окончательную определенность. Одновременно критике, равно как и оправданию подлежат монархисты и революционеры, консерваторы и авангардисты, религиозность и нигилизм, православие и язычество, семейные ценности и свободная любовь, русофильство и русофобия и т. д. Бессвязность идей и расширение без средоточия, перескакивания от одной мысли к другой, не знающее единства. Субъективность как поток мышления, который избегает объективации и интересуется всем, что можно охватить какой-то интересной идеей. Личность Розанова остается спектром нереализованных потенций, неисчерпаемым избытком возможностей. Его главное достоинство (и одновременно недостаток) — открытость всем альтернативным смыслам и содержаниям, удержание возможности быть другим.

Мечтательность и потенциальность

Для Розанова особое значение получает категория мечтательности. Все действительное носит необязательный и эфемерный характер, когда же

речь заходит о мечтаниях, Розанов проявляет необычайную настойчивость и скрупулезность: «Почти пропорционально отсутствию воли к жизни (к реализации) у меня было упорство воли к мечте. Даже, кажется, еще постоянное, еще настойчивее... именно — не “подвинулось ни на скрупул” и “не уступило никому”», — пишет он [21, с. 50]. Мечтательность — неотъемлемое свойство философствования, как и вообще мыслительной деятельности, убежден Розанов. Погруженность в грезу естественно для всякого мыслящего человека, поскольку сам процесс мечтания имеет своим источником не что-то действительное, но возможное. Для Розанова мечта исчезает в ее реализации, привлекательность иллюзии, в том, что она всегда сохраняет возможность быть чем-то иным. В то время как актуализация означает окончательное схлопывание перспективы, прекращение процессуальности, развития, омертвление в твердой форме неорганического предмета. «Что такое человек без мечты? “Полено дров” в геенну преисподнюю» [15, с. 277].

Мечта позволяет превозмочь диктатуру условий социального общения и ритуализованную рутинность повседневной жизни. В детстве, рассказывает Розанов,

«закрывал глаза... и бурно, моментально, фантастично, — не то что уносился, а прямо как будто падаю в погреб, — уносился в мир грез, не только не имеющий ничего общего с Нижним Новгородом и гимназией, но и с Россией, Карамзиным и Соловьёвым (воплощение истории), ни с чем, ни с чем...» [14, с. 193].

Наши мечтания относятся к сфере потенциального, возможностного и как чистая потенция не могут быть актуализованы в полной мере. Эта невоплотимость и является залогом личностной свободы и свободы мысли. Мечта обеспечивает инакомыслие именно тем, что представляет мир иным, чем он является в действительности. В мечтаниях мир предстает не таким, какой он есть на самом деле, а каким он мог бы быть. Собственно, мечта есть бунт против фактического мира вещей, исключающих «как если бы», «как могло бы быть», то есть возможность других миров. Да и по существу, кто такой мыслитель, как не профессиональный мечтатель, который выводит налично данную реальность из состояния тождества себе?

Розанов явно несет в себе черты человека Нового времени, декартовского мыслящего субъекта со всеми проблемами, ему присущими. Это рационалистическая и нигилистическая юность и последующие попытки компенсировать гипертрофию просветительского нарратива. Как и многие его сверстники из числа интеллигентов-шестидесятников, Розанов обращается к иррационализму, религии, мистике. Антитоталитарные мотивы и критику рационального и насильственного планирования счастья он обнаруживает в «Записках из подполья» Достоевского и делает их предметом осмысления, наиболее важным для него самого.

Из всех трактовок подпольного героя розановская выглядит нетривиальной и вместе с тем наиболее убедительной, тем более что самого Розанова неоднократно сравнивали с героем Достоевского. Приведем характеристику К. И. Чуковского для примера: «Он “мечтатель”, “визионер”, самодум, “человек из подполья”. Недаром у него были статьи “В своем углу”» [22, с. 28]. Но, од-

нако, что объединяет интерпретатора с объектом интерпретации? Так же, как и персонаж Достоевского, Розанов признается, что им часто овладевает ощущение неспособности к действию, невозможности реализоваться в чем-либо. И в то время, как многие видят в этом качестве ничтожность и ущербность их носителей, Розанов усматривает превосходство (и даже гениальность!) [16, с. 492]. Ведь

«все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены. Как это объяснить? А вот как: они, вследствие своей ограниченности, ближайшие и второстепенные причины за первоначальные принимают; таким образом, скорее и легче других убеждаются, что непреложное основание своему делу нашли, — ну, и успокаиваются, а ведь это главное. Ведь, чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным предварительно и чтоб сомнений уж никаких не оставалось» [3, с. 136].

Сам подпольный герой причиной такой беспомощности называет свою избыточную склонность к мышлению, «усиленное сознание». Бесконечный поток сплетающихся мыслей и переживаний превращается в бремя для их носителя и делает такого человека непригодным к действию.

«Клянусь вам, господа, что слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия...» [3, с. 136].

И следующая самохарактеристика Розанова удивительно резонирует с приведенной цитатой:

«Иногда чувствую что-то чудовищное в себе. И это чудовищное — моя задумчивость. Тогда в круг ее очерченности ничто не входит.

Я каменный.

А камень — чудовище.

Ибо нужно любить и пламенеть.

От нее мои несчастья в жизни (былая служба), ошибка всего пути (был только “выходя из себя” внимателен к “другу” и ее болям) и “грехи”.

В задумчивости я ничего не мог делать.

И, с другой стороны, все мог делать (“грех”).

Потом грустил: но уже было поздно. Она съела меня и всё вокруг меня» [21, с. 175].

Розанов находит в подпольном человеке нечто изоморфное собственному восприятию мира: те же бесхарактерность, отказ от однозначных убеждений, твердых ценностей — набор черт, который в любом другом случае был бы воспринят с брезгливостью. Но для Розанова «уход в подполье» означает бунт живой личности свободного индивида против окончательной определенности [12, с. 33]. Розанов стремится показать: сама мысль, что есть что-то невозможное, «каменная стена», что дважды два — четыре безальтернативны, нестерпима для подпольного человека. Понимание природы человека Достоевским и Розановым здесь совпадают.

«О нелепость нелепостей! То ли дело все понимать, все сознать, все невозможности и каменные стены; не примиряться ни с одной из этих невозможностей и каменных стен, если вам мерзит примиряться; дойти путем самых неизбежных логических комбинаций до самых отвратительных заключений на вечную тему о том, что даже и в каменной-то стене как будто чем-то сам виноват, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноват, и вследствие этого, молча и бесильно скрежеща зубами, сладострастно замереть в инерции, мечтая о том, что даже и злиться, выходит, тебе не на кого; что предмета не находится, а может быть, и никогда не найдется, что тут подмен, подтасовка, шулерство <...> что тут просто бурда, — неизвестно что и неизвестно кто, но, несмотря на все эти неизвестности и подтасовки, у вас все-таки болит, и чем больше вам неизвестно, тем больше болит!» [3, с. 136].

О какой подмене здесь идет речь? Именно о призрачности и необязательности всякой определенности, окончательности. Подпольный герой понимает условность всякой невозможности, и этой способностью он обязан своему усиленному сознанию. Избыточность мышления дает ему преимущество понимать больше, чем другие, но, с другой стороны, ослабляет способность к действию. В этом качестве подпольного героя Розанов видит нечто сущностно человеческое — удержание перспективы стать чем-то другим, поскольку любая окончательность означает исчерпание человеческого в нас. Человек и есть открытая возможность, так как «...несет в себе, в скрытом состоянии, сложный мир задатков, ростков, еще не обнаруженных...» [12, с. 33]. Нет такой формулы счастья, за которую подпольный человек променял бы муки своего сознания. Только то, что может быть представлено потенциально, как возможность, позволяет преодолеть чувство невозможности, только мысленно можно сделать невозможное возможным.

Еще один персонаж из русской литературы, с которым себя ассоциирует Розанов, — это Обломов. Тот самый, надевающий три дня одну туфлю, «русский Томас Мор, который не пишет отчего-то русскую утопию», «золотое русское сердце?» [16, с. 668; 14, с. 257]*. Такими эпитетами наделяется он Розановым. И далее Розанов характеризует свои писания:

«Эти говоры (шепоты) и есть моя “литература”. Отсюда столько ошибок: дойти до книги и раскрыть ее и справиться — для меня труднее, чем написать целую статью. “Писать” — наслаждение: но “справиться” — отвращение. Там “крылья несут”, а тут — должен работать: но я вечный Обломов» [21, с. 81].

Действительно, Розанова объединяет с Обломовым мечтательность, задумчивость, тяга к бездействию, однако обломовщина в целом оценивается философом как явление негативное, по сути, синонимичное лени. Уход в мир возможного, проповедуемый Розановым, все же не есть способ бегства

* Вообще, обломовская «лень», по Розанову, — универсальная черта русской культуры, поскольку последняя еще не вышла из своего первоначального бессознательно-мальчишеского состояния. И другим известным русским людям он приписывает те же черты бездельной, благодушной, бесхарактерной, но возвышенной мечтательности. «Все, Гиляров-Платонов, Киреевские, Хомяков, Аксаковы, были при замечательной красоте души и глубине мысли как-то бездельны, не живы. Все — “милые рассуждающие Обломы”» [19, с. 168].

от реальности, не есть проявление слабости, следствие отсутствия воли к жизни. Пребывание в возможном не означает отказ от деятельности как таковой, недеяние или некую неактивную позицию, но предполагает понимание той истины, что полная реализация человека *невозможна* в принципе. Таковая всегда обречена быть иллюзорной, мнимой реальностью.

Развитие категории потенциального в розановской теории пола

Тема потенциальности пронизывает и фундирует работы Розанова, посвященные проблеме пола. Что есть пол для Розанова? Под ним он подразумевает бесконечное потенцирование, умножение латентной способности, всегда предполагающее возможность продолжения.

«Пол есть не вещь, не бытие (sein, das Ding), а скорее всего какое-то волнение в нас, что-то волнующееся в нас, какой-то свет и жар. Пол — весь организм, и — душа, и — тело. Но — “организм” опять же не как существо, а вот как это “волнение и пыл”, как “пульс и ритм”, чему органы только подчинены» [9, с. 36]; «“Пол” не есть в нас <...> “постоянная величина”, “цельная единица” <...> он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которую ньютоново-лейбницевская математика <...> наименовала величинами “текущими”, “флюксиями”...» [9, с. 365–366].

Пол, в розановских определениях, есть неисчерпаемая энергия, всегда готовая к новым реализациям, безграничное продолжение и самоумножение —

«нечто «текущее, от “О” до “бесконечности” <...> от “—1” до “+1”. Вполне бы можно сказать, что “мужского” и “женского” — вовсе нет, а есть “стремление по кругу”, “все возможности” в каждом, но обычно в каждом же преобладает какое-нибудь одно <...> Но “преобладает” — значит “совмещается еще с другим”. Эти “совмещения” в каждом есть» [9, с. 367].

При первом приближении можно усмотреть в теории пола Розанова сходство с психоаналитической концепцией Фрейда. Бессознательная сила полового влечения осмысливается здесь как источник духовной культуры, ноуменальный «корень духа». Фрейд трактует сублимацию как результат конфликта природного и культурного начал в человеке. Внутри психики формируется конфликт между бессознательными влечениями и реальностью, и этот конфликт неразрешим. Возникает ситуация, когда желание обращено на желаемое с целью его воплотить и одновременно отдалить и сделать невоплотимым. Желание создает область желанного, которое превращает данность в недостижимость. Духовная жизнь человека порождается несбыточностью и превозмоганием желания — такова одна из ключевых идей фрейдизма. Это вполне соотносится с пониманием пола как ноуменального «корня духа» у Розанова. Нельзя думать, пишет он,

«что половой акт можно хотя бы чрез миллион лет одухотворить (Да, он вполне духовен и сейчас: половой акт рождает из себя море мысли и воображения (младенца с душою), и оно же, т. е. воображение и мысль, обволакивает этот акт в поэзии, между тем как физический глаз и физическое слово (голос) не смеют его коснуться. Совокупление есть наиболее духовный акт — не то что пошлая, базарная политика), сделать не плотским, а проявлением высшего начала в человеке», подобное «возможно только в наивной фантазии человека» [9, с. 322].

В понимании Розанова психика есть овозможивание грубой материи, как бы ее истончение и постепенный переход в некоторое «эфирное» духовное состояние. «Простонародное слово “дух”, коим именуется “запах”, совпадает с именем самой темы, самого предмета психологии, и не напрасно» [11, с. 232]. Этот процесс Розанов предполагает в дочеловеческой природе (органической, и быть может, даже и в неорганической), но в человеке он достигает кульминации. Человека отличает от животного и растения переизбыток потенции над актом и, как следствие, невоплотимость всех его возможностей. Чем более человек духовен, тем более всеобъемлющи его желания и тем эти желания неутолимее. Потенцировать — значит внести избыточность и превозмогание...

Сам Розанов, ничего не зная о Фрейде, проявлял интерес к проблематике бессознательного у Лейбница (речь идет о “смутных”, “темных” представлениях, какие имеет душа наряду с “ясными”)» [11, с. 232]. Его особое внимание привлек и доклад С. Л. Франка об У. Джеймсе, где речь шла о сфере “темного сознания”, которая окружает собою сознание ясное» [11, с. 232]. И, как следует из указанных здесь и других розановских комментариев, под бессознательным он понимает именно потенциальную сферу психики, что опять-таки вполне соответствует классическому определению Фрейда.

Несмотря на такие параллели между двумя мыслителями, ставить знак равенства между фрейдовым бессознательным и розановской интерпретацией пола было бы крайне опрометчиво. Фрейд не постулирует бессознательное в духе романтизма — как иррациональную тёмную силу биологической подосновы человека, хотя ему это часто приписывают, — и пишет прежде всего о психосексуальности, формируемой под воздействием культуры, тем не менее, он крайне далёк от того, чтобы интерпретировать сексуальность в метафизическом и уж тем более в религиозных контекстах.

В розановских же текстах пол должен выступить «метафизическим зерном» некой мистической истинной религии, которая свяжет в себе не умозрачительно, а «семенно-кровно-телесно» природную и сверхприродную реальности человеческого бытия, восполнив таким образом односторонности всех своих исторических предшественниц. Розанов противопоставляет пол как семенной логос рациональному логосу как сфере отвлеченной духовности.

«А религия? Вся — порыв, воображение, мечта, полет; огонь и воздух. Ничего тяжелого, тяжеловесного. Никаких “землистых частиц”... То тяжеловесное, что ее начинает окружать много времени спустя после возникновения, — учреждения, законы, формы, “мундиры”, — есть смертный пепел на ее существе, сбрасываемый обыкновенно при новом взрыве. Что же она по существу своему? Говорят: “Касание мирам иным, чувство иных миров”» [11, с. 231].

Существо религии не заключается в интеллектуальных доказательствах истинности ее учения. Религия мертвеет, когда ее признают истинной. По Розанову, настоящая религия уводит от действительности, разворачивается в модусе возможного и исчезает в ее догматизации, овеществлении, фетишизации. И в самом деле, вера не может быть достоверным знанием, поскольку обретение такового предполагает исчезновение веры, переход переживания некой реальности как возможности в состояние фактической исполненности.

«Богу угодно, чтобы словесную религиозность, глагольную религиозность и в конце концов лицемерную религиозность — многогрешный раб Божий сменил ощущаемую религиозностью» [20, с. 232]. На самом деле объектами религиозного почитания не являются некие реликвии, священные тексты или суеверия. Предметы веры всегда ускользают от актуализации, они суть нечто, в чем невозможно убедиться. Религиозные переживания так необходимы, поскольку они погружают человеческую душу в родную для нее реальность потенциальности-возможности. Религиозные чувства сильны именно в силу того, что наиболее интенсивные переживания вызывают в нас ощущения возможности чего-либо — предугадывания, ожидания, предчувствия и т. д. Человеку невыносимо думать, что реальность такова, какова она есть, что в ней нет возможности перехода в другое состояние, в другой мир. Оттого ему невыносима мысль об отсутствии Бога... Не случайно Розанов сравнивает религию с морской стихией. Созерцание моря или океана приносит переживания, сходные с переживанием религиозных откровений. К религиозным состояниям относятся не только вера, но и надежда, любовь, молитвенность, наивность и другие переживания, которые мы можем обозначить как разновидности гипотетического или вероятностного отношения к миру. «Без психологического момента веры, без способности уповать, надеяться, без некоторой святой наивности — невозможна вообще религия» [17, с. 137]. По сути, религиозный опыт является еще одним способом ухода в мир возможного и потенцирования действительности для Розанова.

Заключение

Известно, что Розанова всегда отличала разносторонность интересов, мозаичность взглядов на один и тот же предмет. Ему присущ некий набор тем, который всегда приковывал его внимание, ряд идей фикс. Это тема пола, семьи, религии и некоторые другие. Однако было ли в розановской философии некое системообразующее начало? Можно ли вообще так ставить вопрос? В поисках ответа следует обратиться к понятию метафизики, — так как что же, как не она, есть форма мышления о первоначалах, — и к тому, что именно Розанов понимал под метафизикой?

Как следует из розановских определений, метафизика не есть абсолютное знание первопричин и конечных целей, но выражение беспредельности человека, жажда возможных миров, бессознательное хотение Другого. В основе метафизики лежит потенцирование: «Хочу заглянуть за край» [17, с. 137], переход из области сущего в область возможного.

Метафизика не дает вечной истины, не постулирует позицию философа, которая была бы подкреплена самотождественным основанием.

«Метафизика живет не потому, что людям “хочется”, а потому что сама душа метафизична. Метафизика — жажда. И поистине она не иссохнет. Это — голод души. Человек беспределен. Самая суть его — беспредельность. И выражением этого и служит метафизика. “Все ясно”. Тогда он скажет: “Ну, так я хочу неясного”. Напротив, все темно. Тогда он орет: “Я жажду света”. У человека есть жажда “другого”. Бессознательно. И из нее родилась метафизика. “Хочу заглянуть за край”. “Хочу дойти до конца”. “Умру. Но я хочу знать, что будет после смерти”. “Нельзя

знать? Тогда я постараюсь увидеть во сне, сочинить, отгадать, сказать об этом стихотворение”. Да. Вот стихи еще. Они тоже метафизичны. Стихи и дар сложить их — оттуда же, откуда метафизика. Человек говорит. Казалось бы, довольно. “Скажи все, что нужно”. Вдруг он запел. Это метафизика, метафизичность» [18, с. 60].

Можно убедиться, что, в отличие от Аристотеля, с которого начинается интерес Розанова к метафизической проблематике, для него это не мышление в терминах тождества. Розанов говорит о возможностном характере самой метафизики. Мы могли бы сделать вывод, продолжая мысль Розанова, что метафизика и есть безграничная возможность.

Предпринимая в данной статье попытку экспликации категории возможности как скрепляющего первопринципа розановской философии, мы можем увидеть, что и все розановское наследие приобретает целостный вид. Это прослеживается уже в ранний период, когда мыслитель пытался сформировать свою систему знаний, некую всеобъемлющую науку, которая вдохновлялась метафизикой возможных миров Лейбница и аристотелевским учением об акте и потенции*. Основополагающими категориями POSSIBILITATIS-метифизики Розанова являются потенция, зерно, семя. И пол, и религия, и вся культура выводятся из них и в них же обратно потенцируются, образуя вечный круговорот всеохватной и бесконечной потенциальности. Сочинения из циклов «эмбрионы» и «листва» и в формально-стилевом отношении, и в идейно-философском, и метафорически представляют собой попытку выразить взгляд на мир как на «игру потенций». В конце концов, уже много раз цитировались слова Розанова о его несбывшихся планах писать книгу «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом» [13, с. 7]. В другом месте мыслитель говорил о своем вкладе в изучение феномена, может быть, немного преувеличивая: «Чуть ли о потенциях у меня не подробнее всех философов изложено» [8, с. 358]. Вот и для авторов данной статьи Розанов стал понятен именно через посредство категории потенциального, возможного... А уже благодаря знанию розановских текстов многое для нас становилось близким и понятным в современной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. *Аристотель*. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1956. Т 4. 612 с.
4. *Лейбниц Г. В.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
5. *Мережковский Д. С.* Розанов // В. В. Розанов: Pro et contra: личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 408–417. 512 с.

* А. Н. Паршин замечательно написал о научных прозрениях Розанова, в частности, о его предугадывании относительно эмбриологии и квантовой физики [6, с. 180–187].

6. Паршин А. Н. Розанов и наука // Василий Васильевич Розанов / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 180–187.
7. Резвых Т. Н. Лейбницианские мотивы у раннего Розанова // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 183–198.
8. Розанов В. В. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 17. М.: Республика, 2004. 494 с.
9. Розанов В. В. В темных религиозных лучах. Русская церковь и другие статьи // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 3. М.: Республика, 1995. 476 с.
10. Розанов В. В. Во дворе язычников // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 10. М.: Республика, 1999. 463 с.
11. Розанов В. В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 20. М., 2005. 494 с.
12. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 7. М.: Республика, 1996. 702 с.
13. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 13. М.: Республика, 2001. 477 с.
14. Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. Черный огонь. 1917 год. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 2. М.: Республика, 1994. 541 с.
15. Розанов В. В. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 23. М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с.
16. Розанов В. В. О писательстве и писателях // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 4. М.: Республика, 1995. 734 с.
17. Розанов В. В. Около церковных стен // Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика, 1995 (т. 5). 558 с.
18. Розанов В. В. Последние листья. 1916 год. 1917 год. Война 1914 года и русское возрождение // Розанов В. В. Собр. соч. М.: Республика, 2000. 382 с.
19. Розанов В. В. Сахарна. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 9. М.: Республика, 1998. 462 с.
20. Розанов В. В. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 592 с.
21. Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 541 с.
22. Чуковский К. И. Дневник 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
23. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
24. Rescher N. A Theory of Possibility: A Constructivistic and Conceptualistic Account of Possible Individuals and Possible Worlds. University of Pittsburgh Press, 1975. P. 195–216.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphyzika*. In: Aristotle. *Sochinenija v 4 tomah, tom. 1* [Metaphysics, 1071b. In: Aristotle. Writings in 4 volumes, vol. 1]. Moscow, Mysl', 1976, 550 p.

2. Aristotle. *Metaphyzika* / *perevod s grecheskogo* P. D. Pervova i V. V. Rozanova [Metaphysics / translated from Greek by P. D. Pervov and V. V. Rozanov]. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006, 232 p.
3. Dostoevsky, F. M. *Sobranije sochinenij v 10 tomah, tom 4* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 4]. Moscow, Fiction, 1956, 612 p.
4. Leibniz, G. V. *Sochinenija v 4 tomah, tom 2* [Writings in 4 volumes, vol. 2]. Moscow, Mysl', 1983. 686 p.
5. Merezhkovsky, D. S. Rozanov. In: *Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasilija Rozanova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Kniga 1* [Rozanov. In: V. V. Rozanov: Pro et contra: the personality and creativity of Vasily Rozanov in the assessment of Russian thinkers and researchers. Book 1]. Saint Petersburg, RHGI, 1995, pp. 408–417, 512 p.
6. Parshin, A. N. *Rozanov i nauka*. In: *Vasilij Vasilyevich Rozanov / pod redakciej A. N. Nikol'ukina* [Rozanov and science. In: Vasily Vasilyevich Rozanov / edited by A. N. Nikol'yukin]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012, pp. 180–187.
7. Rezvykh, T. N. *Leibnizianskiye motivy u rannego Roaznova* [Leibnizian motives in early Rozanov]. In: *Christianskoje chtenije*, 2015, no. 3, pp. 183–98.
8. Rozanov, V. V. *V nashej smute. stat'ji 1908 goda. Pis'ma k E. F. Gollerbachu*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 17* [In our troubles. Articles from 1908. Letters to E. F. Gollerbach. In: Rozanov V. V. Collected Works, vol. 17]. Moscow: Respublika, 2004, 494 p.
9. Rozanov, V. V. *V temnyh religioznyh luchah. Russkaja cerkov' i drugie stat'ji*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 3* [In the dark religious rays. The Russian Church and other articles. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 3]. Moscow, Respublika, 1995, 476 p.
10. Rozanov, V. V. *Vo dvore jazychnikov*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 10* [In the courtyard of the Pagans. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 10]. Moscow, Respublika, 1999, 463 p.
11. Rozanov, V. V. *Zagadki russkoj provokacii. Stat'ji i ocherki 1910 goda*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 20* [Riddles of Russian provocation. Articles and essays of 1910. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 20]. Moscow, 2005, 494 p.
12. Rozanov, V. V. *Legenda o velikom inkvizitore F. M. Dostoevskogo. Literary ocherki. O pisatel'ah i pisatel'stve*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 7* [Legend of the Grand Inquisitor F. M. Dostoevsky. Literary essays. About writing and writers. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 7]. Moscow, Respublika, 1996, 702 p.
13. Rozanov, V. V. *Literaturnyje izgnanniki. N. N. Strahov. K. N. Leontiev*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 13* [Literary exiles. N. N. Strakhov. K. N. Leontiev. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 13]. Moscow, Respublika, 2001, 477 p.
14. Rozanov, V. V. *Mimoletnoje. 1915 god. Chernyj ogon'. 1917. Apokalipsis nashego vremeni*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 2* [Fleeting. The year is 1915. Black fire. The year is 1917. The apocalypse of our time. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 2]. Moscow, Respublika, 1994. 541 p.
15. Rozanov, V. V. *Na fundamente proshlogo. Stat'ji i ocherki 1913–1915 godov*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 23* [On the foundation of the past. Articles and essays of 1913–1915. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 23]. Moscow, Respublika; Saint Petersburg, Rostok, 2007, 638 p.
16. Rozanov, V. V. *O pisatel'stve i pisatel'ah*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 4* [On writing and writers. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 4]. Moscow, Respublika, 1995, 734 p.
17. Rozanov, V. V. *Okolo tserkovnyh sten*. In: *Rozanov, V. V. Sobranije sochinenij, tom 5* [Near the church walls. In: Rozanov, V. V. Collected Works, vol. 5]. Moscow, Respublika, 1995, 558 p.

18. Rozanov, V. V. *Poslednije list'ja. 1916 god. 1917 god. Vojna 1914 goda i ruskoje vrozozhdenije*. In: Rozanov V. V. *Sobranije sochinenij* [The last leaves. The year is 1916. The year is 1917. The War of 1914 and the Russian Renaissance. In: Rozanov, V. V. Collected Works]. Moscow, Respublika, 2000, 382 p.
19. Rozanov, V. V. *Sakharna. Obonatel'noje i os'azatel'noje otnoshenije evreev k krovi*. In: Rozanov V. V. *Sobranije sochinenij, tom 9* [Sakharna. The olfactory and tactile attitude of Jews to blood. In: Rozanov, V. V. Collected works, vol. 9]. Moscow, Respublika, 1998, 462 p.
20. Rozanov, V. V. *Sochinenija* [Essays]. Moscow, Soviet Russia, 1990, 592 p.
21. Rozanov, V. V. *Ujedinennoje* [Solitary]. Moscow, Politizdat, 1990, 541 p.
22. Chukovsky, K. I. *Dnevnik 190–1929* [Diary 1901–1929]. Moscow, Soviet writer, 1991, 544 p.
23. Epstein, M. N. *Filosofija vozmozhnogo* [Philosophy of the possible]. Saint Petersburg, Alethea, 2001, 334 p.
24. Rescher, N. *A Theory of Possibility: A Constructivistic and Conceptualistic Account of Possible Individuals and Possible Worlds*. University of Pittsburgh Press, 1975, pp. 195–216.